

Чехов Антон Павлович

Письма А. П. Чехова

Том II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Письма А. П. Чехова: Том II / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 479 с.

ISBN 978-5-521-30205-5

ISBN 978-5-521-30205-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Біографическій очеркъ (1888—1889).

II.

Осенью 1887 г. Антонъ Павловичъ написалъ свою первую пьесу «Ивановъ». Еще раньше, за годъ передъ этимъ, въ литературной дѣятельности писателя начался переломъ въ сторону болѣе серьезнаго, вдумчиваго творчества; теперь А. П. уже настоящій писатель, — о немъ пишутъ и говорятъ, и когда на сценѣ театра Корша въ Москвѣ появился въ первый разъ его «Ивановъ», то смотрѣть его собралась самая изысканная московская публика. Театръ былъ переполненъ. Одни ожидали увидѣть въ «Ивановѣ» веселый фарсъ въ стилѣ рассказовъ Антона П-ча, помѣщенныхъ имъ въ «Осколкахъ», другіе ожидали чего-то новаго, болѣе серьезнаго, и не ошиблись. Успѣхъ спектакля былъ пестрый: первые шикали, вторые, которыхъ было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но въ общемъ «Иванова» не поняли и еще долго потомъ газеты выясняли личность и характеръ главнаго героя. Но какъ бы то ни было, о пьесѣ заговорили. Въ январѣ 1889 г. «Ивановъ» былъ поставленъ въ С.-Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ, прошелъ шумно, хотя и здѣсь еще долго обсуждался новый тогда типъ Иванова. Въ одномъ изъ писемъ къ Суворину А. П. долженъ былъ самъ выяснять, что представлялъ изъ себя Ивановъ и какъ нужно было бы его играть. Но новизна замысла и драматическихъ приемовъ автора обратили на Антона П-ча всеобщее вниманіе,

какъ на драматурга, и съ этого времени начинается общій поворотъ въ психикѣ и въ литературной дѣятельности писателя,—онъ начинаетъ строже относиться къ себѣ и къ своему творчеству. Правда, вызвавшій столько толковъ и въ печати и въ обществѣ, «Ивановъ» былъ написанъ сплеча и на спѣхъ. Антонъ Павловичъ и раньше брался за драмы и водевили, но самъ же ихъ и уничтожалъ. Еще въ юношествѣ онъ написалъ драму «Безотцовщина» и водевиль «Не даромъ курица пѣла»; будучи студентомъ, онъ написалъ большую пьесу, которую мечталъ поставить на сценѣ Московскаго Малаго театра и даже носилъ ее извѣстной московской артисткѣ М. Н. Ермоловой на просмотръ. Пьеса эта была очень громоздка, съ поѣздомъ желѣзной дороги, съ конокрадами и съ самосудомъ цыганъ, но все это были шалости пера. Былъ еще у А. П. и драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи «На большой дорогѣ», запрещенный цензурой (1885 г.), изъ котораго впослѣдствіи онъ сдѣлалъ рассказъ. Но всѣ эти пьесы свѣта не видали. «Ивановъ» былъ исполненъ въ какія-нибудь двѣ недѣли. Встрѣтившись какъ-то съ содержателемъ Московскаго частнаго театра Ф. А. Коршемъ, въ его же театрѣ, А. П. разговорился съ нимъ о пьесахъ. Тогда ставили легкую комедію и водевиль, серьезныя пьесы были не въ ходу, и зная, что А. П. былъ юмористомъ, Ф. А. Коршъ предложилъ ему написать для него пьесу. Условія показались выгодными, и А. П. - чъ принялся за исполненіе. Въ сумрачномъ кабинетѣ, въ домѣ Корнѣева, на Кудринской Садовой, Ант. П.-чъ сталъ писать актъ за актомъ, которые тотчасъ же и передавались Коршу для цензуры и репетицій. Но, несмотря на такое спѣшное исполненіе, «Ивановъ» сразу же обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Антонъ П.-чъ понюхалъ театральнаго пороха, къ тому же и матеріальные резуль-

таты постановки имъ «Иванова» порадовали его, и онъ написалъ вскорѣ водевилъ «Медвѣдь», облетѣвшій всю Россію и не сходящій съ репертуара и до сихъ поръ. «Медвѣдь» былъ напечатанъ сперва въ «Новомъ Времени», а затѣмъ поставленъ въ первый разъ все въ томъ же театрѣ Корша въ Москвѣ. Заглавную роль въ немъ исполнялъ артистъ Н. Н. Соловцовъ, которому и посвященъ водевилъ. Въ слѣдующемъ сезонѣ Н. Н. Соловцовъ вмѣстѣ съ Абрамовой открылъ въ Москвѣ свой собственный театръ, но дѣла ихъ не пошли. Оставалось одно Рождество, на которое только и возлагались надежды; но чтобы «сорвать» сборы, нужно было имѣть какую-нибудь новую, боевую пьесу, а ея то и не было. Тогда Соловцовъ обратился къ Антону П-чу: — «Поддержите, выручите, дайте пьесу!» У Антона П-ча въ запасѣ не было ни одной законченной. До наступленія Рождества оставалось всего только какихъ-нибудь 10 — 12 дней. Соловцовъ предлагалъ тысячу рублей. Условія были заманчивы. И вотъ Антонъ П-чъ принялся за пьесу. Каждый день онъ писалъ по акту, его братъ-студентъ переписывалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, пріѣзжалъ Соловцовъ, отбиралъ эти экземпляры и посылалъ ихъ съ кондукторомъ въ Петербургъ на цензуру. Такимъ образомъ, пьеса къ сроку была готова, прошла нѣсколько разъ подрядъ, автора опять шумно вызывали, но самъ авторъ остался ею далеко недоволенъ. Это былъ «Лѣшій». Антонъ П-чъ тогда же снялъ ее съ репертуара, долго держалъ ее въ столѣ и только нѣсколько лѣтъ спустя передѣлалъ ее до неузнаваемости и уже подъ другимъ заглавіемъ («Дядя Ваня») поставилъ ее на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Но каковы бы ни были недостатки «Лѣшаго», и эта пьеса обратила на себя вниманіе литературныхъ круговъ и дала Антону Павловичу мѣсто среди видныхъ тогдашнихъ драматур-

говѣ. Одновременно съ этимъ онъ писалъ какой-то большой романъ, о которомъ часто мечтавъ вслухъ и любилъ говорить, но романъ этотъ такъ и не увидѣлъ свѣта и не былъ найденъ въ его бумагахъ; ѣроятно, требовательный къ себѣ, онъ остался имъ недоволенъ и уничтожилъ его или воспользовался имъ для разсказа. Писалъ онъ его ѣсколько лѣтъ. «Посвящаю его (этотъ романъ) Вамъ»,—писалъ онъ въ 1889 году А. Н. Плещееву, — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе къ сердцу и уже испытана людьми по-сильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.» (9 апр. 1889). Повидимому, въ этомъ именно романѣ Ант. П.—чь хотѣлъ воплотить въ художественныхъ образахъ свое міровоззрѣніе, которое онъ такъ формулируетъ въ письмѣ къ А. Н. Плещееву (въ окт 1889 г.). «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непременно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либераль, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индеферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ—и только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково противны какъ секретарь консисторіи, такъ и Н. съ Г.. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ;

я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи.. Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это чело-вѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ». Это исповѣданіе вѣры, которое должно было лечь въ основу начатаго Антономъ II—чемъ романа, какъ нельзя болѣе характеризуетъ его самого и его внутренній міръ въ 1888—89 годахъ.

Литературная плодовитость Антона II—ча въ эти годы была громадна. Постановки на московской и петербургской сценахъ нѣсъ не помѣшали ему написать большую повѣсть «Степь», показавшую читателямъ, какой это былъ значительный талантъ. Но и теперь Антонъ II—чъ еще мало доѣблялъ своему дарованію. Замѣтившій его еще раньше и первый приславшій ему привѣтственное письмо, Григоровичъ, а затѣмъ А. С. Суворинъ, съ которыми Ант. II—чъ близко сошелся во время постановки на Александринской сценѣ «Иванова», открыли ему глаза на него самого; затѣмъ возмужалость и необыкновенное стремленіе къ личной свободѣ сдѣлали свое дѣло, и Антонъ II—чъ окончательно подвелъ себѣ итогъ и опредѣлился, какъ писатель и драматургъ. Врачебная практика сошла «на нѣтъ», и вывѣска на двери «Докторъ А. П. Чеховъ» стала уже ненужной, хотя и продолжала еще висѣть.

1888—1889 годы были какими-то необыкновенными въ душевномъ подъемѣ Антонъ II—ча. Онъ всегда былъ веселъ, шутилъ, много и безъ усталости работалъ, не могъ обходиться безъ людей. Его небольшая квартира въ

VIII

Кудринѣ, маленький двухъ-этажный домъ особнячокъ, похожій на комодъ, въ то время представляла изъ себя центръ, куда стекалась молодежь. Наверху играли на взятомъ на прокатъ піанино, пѣли, вели шутливые разговоры, а внизу онъ сидѣлъ у своего стола и подъ долетавшіе до него звуки писалъ. Но эти звуки только подбодряли его. Онъ не могъ жить безъ нихъ, принималъ самое живое участіе въ общемъ весельи. «Я положительно не могу жить безъ гостей,—писалъ онъ А. С. Суворину.— «Когда я одинъ, то мнѣ почему-то дѣлается страшно». Въ домѣ Корняева въ Кудринѣ посѣтили Антона П—ча Григоровичъ, Суворинъ, Плещеевъ, Лейкинъ, и многіе другіе писатели, подарилъ его своимъ неожиданнымъ визитомъ композиторъ П. И. Чайковскій — и такимъ образомъ Антонъ П—чъ былъ признанъ тогда за величину. Царившіе въ то время у Антона П—ча въ квартирѣ веселье и смѣхъ заразили и покойнаго старика Д. В. Григоровича: онъ какъ-то сразу помолодѣлъ и еще долго рассказывалъ въ Петербургѣ о той обстановкѣ, въ которой молодой писатель создавалъ тогда свои произведенія. Эта веселая жизнерадостная, многообщавшая жизнь прерывалась однако приступами сильного кашля, которые посѣщали Антона П—ча, въ особенности по ночамъ. Незамѣтно, но настойчиво этотъ кашель подготавливалъ почву для будущей серьезной его болѣзни, но онъ не хотѣлъ обращать на него вниманія и серьезно лѣчиться. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 14 октября 1888 г. онъ старается убѣдить себя, что этотъ кашель — вовсе не опасенъ. «Каждую зиму, осень и весну,—пишетъ онъ,— и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изъ рта, есть что то зловѣщее, какъ въ заревѣ.... Дѣло въ томъ, что чахотка... узнается только по совокупности признаковъ, а у меня то именно и нѣтъ этой со-

вокупности». Первое кровохарканье случилось у Антона П—ча еще въ 1885 году, когда онъ былъ почему-то (кажется, велъ для газеты записки по извѣстному дѣлу Скопинскаго банка) въ Московскомъ Окружномъ Судѣ.... «Если бы то кровохарканье,—продолжаетъ онъ въ письмѣ къ Суворину,—какое случилось у меня въ Окружномъ Судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давно уже былъ бы на томъ свѣтѣ,—вотъ моя логика». Этотъ кашель продолжался очень долго, и болѣзнь Антона П—ча стала окончательно выяснившейся для его семьи только многіе годы спустя, уже въ Мелиховѣ, когда писателя пришлось везти въ клиники. Но какъ бы то ни было, уже тогда, въ 1889—1890 гг. припадки этой болѣзни и геморроя вносили въ душу Антона П—ча разочарованіе. Онъ чувствовалъ себя иногда такъ плохо, что, любя общество, начиналъ тяготиться имъ, запрещалъ принимать гостей и часто въ такіе моменты отказывалъ въ приѣмѣ людямъ, которымъ не отказалъ бы во всякое другое время. Но заканчивались эти болѣзни, и моментально мѣнялось настроеніе, двери широко отворялись, приходили гости, начиналась музыка, и подъ звуки ея и говоръ молодежи у Антона П—ча выросли крылья и чувствовалось отсутствіе досаднаго настроенія. Особенно тяжело протекала для писателя въ 1888 г. свирѣпствовавшая тогда инфлуэнца. Но и при ней, какъ, впрочемъ, и всегда, онъ не давалъ врачамъ выслушать себя и поставить точный діагнозъ.

Лѣто 1888 и 89 гг. Антонъ П—чъ провелъ съ семьей на дачѣ въ Харьковской губ., въ усадьбѣ Лука, Сумскаго уѣзда. Нанялъ онъ эту дачу заглазно, по совѣту одного хохла изъ посѣщавшей его молодежи. Отправилъ по почтѣ задатокъ и тотчасъ же послалъ А. Н. Плещееву въ Петербургъ приглашеніе ѣхать къ нему въ тѣ мѣста, гдѣ

«свирѣпствовалъ нѣкогда Поздревъ и ссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Онъ заранѣе восхищался глубокой, широкой и богатой рыбой и раками рѣкой Псломъ, прудомъ съ карасями, плотиной, лѣсами, поднимавшимся въ гору старымъ садомъ, изобиліемъ барышенъ. Онъ обѣщалъ ему окунуться вмѣстѣ съ нимъ въ бездѣлье, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и т. д. Нанятая усадьба не обманула его ожиданій. Страстный рыболловъ и любитель музыки и общества, онъ нашель здѣсь все, чего искаль. Правда, обстановка и удобства оставляли желать многого, но зато рѣка, дуэты на рояли и віолончели и превосходные люди, владѣвшіе усадьбой, вполне его удовлетворили. Онъ сталъ мечтать о покупкѣ въ Малороссіи своего собственнаго хутора и переселеніи въ него навсегда. Почти тотчасъ же вслѣдъ за переселеніемъ Антона П—ча на Луку, туда пріѣхалъ къ нему изъ Петербурга А. Н. Плещеевъ. Это былъ уже тогда дряхлый старикъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Барышни такъ прямо увлекались имъ. Для Алексѣя Николаевича была отведена у Антона П—ча отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ этого не замѣчалъ и велъ долгія бесѣды съ молодымъ писателемъ. Прожилъ онъ у него цѣлый мѣсяць, сочинялъ вслухъ и иногда такъ кричалъ при этомъ, что Антонъ П—чъ вбѣгалъ къ нему въ комнату и спрашивалъ его, не нужно ли ему чего-нибудь. Маститый старецъ мило и виновато улыбался и продолжалъ свою работу. Къ А. Н. Плещееву Антонъ П—чъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, но каждую минуту боялся за его здоровье: старикъ очень любилъ мучное, а мать писателя Евгенія Яковлеена любила обкармливать,

и Антону П—чу то и дѣло приходилось быть его врачомъ.

Вслѣдъ за А. Н. Плещеевымъ Антона П—ча посѣтили на Лукѣ К. С. Баранцевичъ, а затѣмъ и А. С. Суворинъ. Приѣздъ старика Суворина еще болѣе укрѣпилъ его дружбу съ Антономъ П—чемъ, начавшуюся еще въ Петербургѣ во время постановки тамъ «Иванова». Они близко сошлись. Не раздѣляя взглядовъ «Новаго Времени», Антонъ П—чъ высоко цѣнили старика Суворина, отдѣлялъ его отъ газеты и дорожилъ его дружбой. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ писалъ ему искреннія письма, въ которыхъ высказывалъ свои завѣтные мысли и переживанія, которыя доказываютъ близкія отношенія, существовавшія между старымъ публицистомъ и молодымъ писателемъ. Верстахъ въ полутора отъ усадьбы, въ которой жилъ Антонъ Павловичъ, находилась большая вальцовая мельница о 16-ти колесахъ. Стояла она въ поэтическомъ мѣстѣ на Пслѣ, вся окруженная старымъ дубовымъ лѣсомъ. Сюда-то и ѣздили на простомъ, выдолбленномъ челнокѣ Чеховъ и Суворинъ на рыбную ловлю. Цѣлые часы они престаивали у ея колесъ, ловили рыбу и разговаривали на литературныя и общественныя темы. Оба изъ народа, оба—внуки бывшихъ крѣпостныхъ и оба одаренные отъ природы громадными талантами и отличающиеся рѣдкой образованностью, они почувствовали другъ къ другу сильное влеченіе и близко сошлись. Эта дружба, повлекшая за собою громадную переписку съ обѣихъ сторонъ, продолжалась затѣмъ долгіе годы и окончилась только нѣсколько лѣтъ спустя, во время извѣстнаго процесса Дрейфуса, когда старикъ Суворинъ сталъ на сторону обвинителей Дрейфуса. Старикъ до самой смерти продолжалъ любить Чехова, но охлажденіе со стороны молодого писателя, начавшееся еще за границей во время процесса, продолжалось и въ

Россіи. Не разрывая сразу, Чеховъ переписывался съ Суворинымъ все рѣже и рѣже; время и отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга пространство тоже дѣлало свое дѣло, и, наконецъ, переписка эта, содержащая въ себѣ столько удивительныхъ мыслей, столько новыхъ и оригинальныхъ сужденій и такъ характеризовавшая Чехова, какъ мыслителя, прекратилась совсѣмъ. Литература, судъ, управленіе, общественная жизнь—все это глубоко захватывало Антона П—ча, вызывало въ немъ живой интересъ и находило отраженіе въ этой перепискѣ его съ Суворинымъ.

Постановка «Иванова» на Спб. Александринской сценѣ сблизила Антона П—ча съ артистомъ П. М. Свободинымъ¹⁾. Онъ тоже пріѣзжалъ въ то лѣто къ писателю на Луку. Оба талактивые и оба юмористы, они смѣшили все населеніе усадьбы остроумными выходками, затѣвали смѣхотворныя рыбныя ловли, на которыхъ Свободинъ выходилъ во фрачной парѣ, и были неистощимы на шутки. Цѣлой компаніей ѣздили въ Ахтырку—тогда захолустный провинціальный городокъ, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, изображали изъ себя графовъ и князей, чѣмъ приводили въ немалое смущеніе лакеевъ.

Но какъ ни была содержательна и интересна жизнь Антона П—ча на Лукѣ, въ исторіи его творчества она не сыграла особой роли, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ чертъ, которыми А. П. воспользовался въ «Вешневомъ садѣ». Въ противоположность Бабкину, гдѣ онъ жилъ на дачѣ въ предыдущіе годы, во всѣхъ его дальнѣйшихъ разсказахъ нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ бы можно было узнать Луку. Ло-

¹⁾ Письма А. П. къ П. М. Свободину, повидимому, были затеряны послѣ смерти П. М.